

Бузгалин Александр Влaдимиpович,
доктор экономических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
главный редактор журнала «Альтернативы»

Будущее скандинавской модели (новый проект социально-ориентированного развития)

(доклад на конференции «Построение социального государства» в Государственной Думе РФ; 03.06.2010)

Сначала маленькое предисловие. Дело в том, что когда мы говорим о кризисе социального государства, мы, я думаю, должны понимать, что это не единственный кризис последних десятилетий. Это часть общего кризиса существующих моделей. Советской - я не берусь сейчас её обсуждать. Неoliberalной – ее реализация привела к мировому финансовому и экономическому кризису. Кризис социал-демократической модели - это часть *кризиса больших старых парадигм*.

Не пришло ли время новых проектов?

Такие новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии уже приходилось принимать, и потом долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мы не мыслим мир, без сделанных когда-то смелых шагов, за совершение которых пришлось заплатить немалую цену.

Напомню. 100 лет назад и для России, и для Германии задача обеспечения бесплатного среднего образования для всех и восьмичасового рабочего дня казалась абсолютно нереалистичной. Всем было понятно, что практически реализовать это нереально. Лишь меньшинство «романтиков» выходило на митинги, организовывали забастовки... А сейчас все это норма. Но ее никогда бы не было, если бы сто лет назад не началась борьба за «утопический» проект восьмичасового рабочего дня и всеобщего бесплатного среднего образования.

По-моему, сейчас снова настало время ставить задачи хотя бы столь же масштабных изменений как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днём 100 лет назад. Иначе мы никогда не найдём *нового* решения и кризис левого проекта будет продолжаться.

Второй компонент этого предисловия. Традиционная постановка вопроса социал-демократией известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство поддерживать то меньшинство, кто не может зарабатывать и чтобы при этом как можно меньше людей нуждалось в социальной поддержке. Однако. *Рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию*. Следовательно, он будет порождать много бедных. Другого рынка не бывает. А если бывает, то только тогда, когда в рамках социал-демократической модели у богатых «отнимают» часть их рыночного дохода и отдают ее бедным. Иначе не получится. Поэтому я предлагаю другую постановку вопроса. Если мы хотим, чтобы было как можно меньше тех, кто нуждается в социальной поддержке, то *необходимо определенную часть богатства создавать по иным - нерыночным – правилам игры и целевым критериям*.

Парадокс при этом состоит в том, что поиск новой модели почти все ищут исключительно по принципу нового сочетания уже существующих черт уже существующих моделей. Немного больше либерализма и меньше социальности или наоборот. Иными словами,

идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип: создает богатство рынок, а социальность может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы, - остается неизменным. Может быть, надо поставить вопрос иначе: а не пора ли искать новое качество, новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, уходя от старой дилеммы: больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости, формируя систему, в которой *справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие?*

* * *

Проблема превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития и выхода за рамки дилеммы «рынок создает, государство – перераспределяет» на самом деле не нова и уже имеет определенные и теоретические, и практические решения. Один из примеров последнего (хотя, естественно, не идеального) – модель социально-ориентированного развития Финляндии, чья экономика признана одной из самых инновационных в мире. Суммируя эти уже известные решения и предлагая некоторое их развитие я хочу ниже сформулировать *десять параметров, которые отличают социально ориентированное развитие.*

Они не являются абсолютно новыми, содержат многое из практически реализуемых механизмов, однако в них автор постарался суммировать *и* те новые тенденции в теории и практике социальной ориентации развития, которые накоплены к настоящему времени.

Первый – количественный. Примерно половина или больше валового продукта страны должна *создаваться* и перераспределяться, исходя из социальных, а не рыночных критериев. Я подчёркиваю: не просто перераспределяться государством, а *создаваться* и перераспределяться любыми субъектами, но по не рыночным, а социальным «правилам игры» и критериям.

Как это сделать - это второй вопрос. Он принципиально важен, на него есть ответы, которые лежат в области альтернативной экономики, экономики солидарности.

Кстати, я хочу заметить, что отчасти, сейчас (после финансового и экономического кризиса) принципы альтернативной организации экономической и социальной жизни, даже альтерглобализма, и принципы социал-демократии стали сближаться. Только один пример – знаменитый налог Тобина, который десять лет назад воспринимали как ультрарадикальный налог, как ультрарадикальное предложение альтерглобалистов, сейчас, со ссылкой на Вили Брандта, если я не ошибаюсь, предлагается как одно из программных требований социал-демократией.

Второй. Главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства и тем самым снимая ставшие в последние десятилетия особо заметными провалы последнего.

Соответственно, доля расходов в бюджете на социальные нужды должна быть существенно выше, чем в либеральных системах, а доля расходов на содержание госаппарата и силовых структур существенно ниже. И это вопрос именно *доли*. Последнее особенно важно для России, потому что у нас не просто малы расходы на социальные нужды, у нас их доля намного ниже, чем в США, не говоря уже про Европу. В пределе (это теоретическая абстракция, но значимая теоретическая абстракция) социальные расходы должны составлять 99 процентов госбюджета, а на место государственных чиновников, которые оплачиваются из бюджета, должно приходиться гражданское общество, которое решает социальные – т.е. свои собственные - проблемы самостоятельно, без чиновников, без аппарата. Конечно же, в современной

действительности, некоторый аппарат, армия, полиция и другие институты охраны прав собственности и контрактов, личной и национальной безопасности необходимы, но в рамках социально-ориентированного развития они должны быть *минимально-необходимы*, тогда как социальные расходы максимальны.

Здесь присутствует некоторая важная тенденция, если не закономерность: чем выше степень социализации государства, *чем активнее его социально-регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников* (я имею в виду аппарат управления и насилия, вынося за скобки таких государственных служащих как учителя, социальные работники и т.п.) *и расходы на их содержание* (на душу населения, естественно), *а так же ниже уровень коррупции*. Хорошо известна международная статистика, показывающая, что например, количество чиновников на душу населения в России больше, чем в США, а в США больше, чем в Скандинавии, что по уровню коррупции США опережает Скандинавию (страны с этой экономической моделью имеют один из самых низких в мире рейтингов по коррупции), а Россия – США. И обратно: мера социальности государства (о ней можно судить хотя бы по доле социальных расходов в госбюжете) в России ниже, чем в США, а в США ниже, чем в Скандинавии. Эта тенденция не случайна: дело в том, что снижение меры социальной справедливости и стабильности существенно повышает число лиц, для которых характерно асоциальное, оппортунистическое поведение. Это касается и особо бедных (стремящихся к нелегитимному перераспределению богатства, вплоть до криминала), и особо богатых, чье сравнимое с государственным состояние стимулирует их к использованию протогосударственных (т.е. нелегитимных) методов поведения (от коррупции до корпоративного насилия и лоббирования). Ну а далее все просто: и из практики, и из экономической теории хорошо известно, что рост оппортунистического поведения резко повышает трансакционные издержки по спецификации и защите прав собственности и контрактов, что снижает эффективность бизнеса и повышает расходы государства на содержание правоохранительных и силовых структур. Причем эта связь действует и на национальном, и на международном уровне. В упрощенном виде ее можно выразить так: *не хотите тратить средства на социальное развитие и решение глобальных проблем – будете тратить деньги на полицию и армию, страдая при этом от криминала, коррупции и угроз международной безопасности*.

Итак, существует некая закономерность: *чем больше социализация развития, тем меньше бюрократизация и коррупция*. Возьмите любой справочник международный. Почему? Да потому что в Скандинавии *значительную часть социально-регулирующих функций осуществляет не государство, а институты гражданского общества*. Именно оно осуществляет перераспределение ВВП через государственный бюджет при помощи очень ограниченного круга специалистов.

Третий принцип социально-ориентированного развития – последовательная ориентация на *перераспределение ресурсов не от активно работающих к паразитическим слоям, а от паразитически потребляющих или использующих средства к тем, кто повышает свой уровень квалификации* для того, чтобы более успешно работать, а так же уже или еще не может работать при полном вето на использование государственных ресурсов для обогащения частных лиц.

О второй части этого принципа ниже, а сейчас об источниках доходов. Сказанное выше, в частности, это означает использование в качестве источника доходов для реализации социальных программ налогов на посредническую деятельность и финансовые спекуляции, на роскошь и т.п.

Особо важен в данном случае вопрос о наличии прогрессивного подоходного налога. Об этом атрибуте социальной ориентации и социального государства во многих академических кругах и в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) принято умалчивать. Между тем прогрессивный подоходный налог - это аксиома социал-демократической модели. При этом с

максимальной прогрессией для богатых и со снятием прогрессии для среднего класса, который должен платить по средней и ниже средней ставке.

Есть известное возражение, в соответствие с которым прогрессия подоходного налога подрывает мотивацию бизнеса. В этой связи позволю себе важный вопрос: а что именно мотивирует творческую, деловую активность предпринимателя? Не рантье, не паразита, а именно предпринимателя. Насколько хорошего предпринимателя, эффективного менеджера мотивирует возможность купить очень-очень дорогой костюм вместо просто костюма? Насколько его мотивирует возможность купить очень-очень дорогую машину вместо просто машины? Если верить тому, что предприниматель – это прежде всего работник высшей квалификации, творец, то для него наиболее важно признание и «рейтинг» в профессиональной среде. Если о качествах предпринимателя судят по успехам его дела, а не по тому, сколь дорогой бриллиант у него в кольце, а человека, который тратит деньги не на развитие управляемого им объекта и социальные цели, а на симулятивное личное потребление, считают достойным сожаления (в самом деле, психологи давно показали, что только весьма примитивный, нравственно убогий и не уверенный в себе человек оценивает самого себя и окружающих по лэйбле на подкладке костюма или дороговизне автомобиля), если это правило нравственной и культурной жизни общества, то дестимулирующее влияние прогрессивного подоходного налога на предпринимателя, а не рантье, минимально.

Поэтому прогрессивный подоходный налог на высоко богатых людей - это налог, который мало затронет интересы предпринимателя-творца, новатора. Он вызовет отрицательную реакцию не тех, кто хорошо работает, а рантье и паразитов, которых выплеснуло волной рыночной конъюнктуры.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. На мой взгляд, здесь проблема не в величине налога, а в социальной атмосфере в стране. Хорошо известно, что, например, российские олигархи или просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13-ти процентный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где платят свои 40-50 процентов и ещё борются за право, чтобы их сделали там гражданами и дали возможность эти высокие налоги платить.

Четвёртый принцип – *использование социальной поддержки для решения задач, которые не может решить рыночно-капиталистическая система*, а именно, экономическое обеспечение каждому гарантированного доступа к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, минимального дохода. В условиях социально-ориентированного развития дифференциация доходов не только ограничивается в своих масштабах, но и начинается с уровня, *выше* прожиточного, не может приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Нам всегда говорят, что социальное государство - это большой слой паразитов - пенсионеров, безработных и т.п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но только толика. Новая модель социально-ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько часть прибыли корпораций и сверхвысоких доходов паразитических слоев общества.

Во-вторых, те, кто получает социальные выплаты, могут и должны добровольно (для уже и еще не трудоспособных) или в обязательном порядке (для трудоспособных) работать на общество, проходя в случае необходимости повышение квалификации. Для этого опять же можно использовать временно незанятых работников.

Социальная и идейно-нравственная мотивация со стороны государства и гражданского общества вполне может подвигнуть значительную часть пенсионеров и не работающей молодежи к бесплатному выполнению многих важнейших функций по рекреации природы и общества, развитию культурных и образовательных процессов (например, перевод в электронную форму информации с книжных носителей,

добровольная помощь в медицинских и образовательных учреждениях, библиотеках и музеях, парках и заповедниках, природоохранной деятельности, охране общественного порядка и мн.др.). Инициирование и организация этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя государство и институты гражданского общества, что существенно снимет нагрузку на государственный бюджет не снижая объема социальной деятельности.

Иными словами, я предлагаю формулу: *максимально-возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества.* Это позволит либо резко расширить объем оплачиваемых государством услуг (в условиях успешного развития, когда бюджет велик и растет), либо не допускать дефицита государственного бюджета при сохранении прежнего объема социальных услуг (в случаях кризисов и других потрясений).

О последнем, ныне весьма актуальном случае, я хотел бы сказать особо. Если у государства в условиях кризиса денег становится меньше, то необходимо (1) резко снижать *не-социальные* расходы, и (2) в случаях, когда нет денег на проведение в прежнем объеме работ в социальной сфере, можно и должно инициировать осуществление этой деятельности бесплатно, но не снижать объем социальных услуг.

В-третьих, о проблеме паразитизма, возникающего при значительных пособиях по безработице. Альтернативой в данном случае является модель *программируемой переквалификации работников.* Два слова важны. Первое - программируемая. Второе - переквалификация.

Если мы закроем завод в градообразующем городке и скажем рабочему или инженеру: езжай в Москву и работай там продавцом в киоске, он не поедет. И дело здесь не столько в низкой социальной мобильности или российском менталитете, сколько в том, что зачастую это экономически невозможно. Но если мы за три-пять лет до закрытия такого завода создадим систему переподготовки его работников и продумаем, как их занять, не очень сильно перемещая территориально, то в этом случае у нас не будет паразитов, мы не будем платить пособия по безработице, мы будем тратить деньги на создание более квалифицированной рабочей силы, что повысит экономическое богатство страны. Мы будем платить за образование и получать более производительного работника. Паразитическая сторона пособий по безработице при таком подходе просто снимается. Иными словами, пособие временно нетрудоспособного при таком подходе получает только тот, кто успешно учится, повышая свою квалификацию с тем, чтобы найти в перспективе занятость в наиболее передовых сферах.

В этой связи я хочу напомнить об уже имевшемся опыте. Ныне не принято ссылаться на опыт стран «реально существовавшего социализма», но в Германской Демократической Республике, был очень интересный опыт, когда в концернах, которые создавали высокотехнологичную продукцию, при сокращении занятых в бригадах увольняли наиболее квалифицированных и самых эффективных работников. Я не ошибаюсь: именно самых эффективных. С какой целью? С тем, чтобы этот работник затем был целенаправленно переведен на работу в опытно-конструкторское производство, где постоянно ощущается дефицит высококвалифицированных кадров. При этом перед «увольняемым» ставилась задача: научить бригаду работать так, чтобы она без него создавала столько и такого же качества, как и раньше. Это модель, показывающая, как при сокращении занятости может работать социальный лифт, вместо того чтобы работал социальный «понижатель». Этот принцип и социально-эффективен: нет проблемы занять высокоталантливого, креативного, высокообразованного человека. Есть проблема занять бомжа... И это только один пример того, как можно строить систему программируемого

В-четвертых, создание новых рабочих мест совершенно необязательно должно осуществляться при помощи частного бизнеса или создания для него особых льгот

(например, снижения налогов на малый и средний бизнес, представления ему льготных кредитов и т.п.). *В условиях наличия долгосрочных программ переквалификации и «социальных лифтов» государство может само, при помощи институтов гражданского общества, но без обращения к частному бизнесу, создавать в соответствии со своими средне- и долгосрочными программами новые рабочие места в наиболее передовых сферах новой экономики.* Оно может расширять деятельность существующих или создавать новые университеты и другие образовательные центры, инициировать деятельность кооперативов и некоммерческих исследовательских организаций и массы других структур, создающих наиболее современные формы общественного богатства (знания, информацию, социально- и экологически чистые пространства), обеспечивая занятость и принося доход гражданам и государству, но не порождая проблем, связанных с отчуждением труда от капитала и не производя паразитические доходы частных собственников.

Наконец, названный выше принцип предполагает, что *общественно-государственные ресурсы, как я уже отметил, не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке.* Речь в данном случае идет не о коррупции и других нелегитимных каналах, а о легитимном перераспределении. Социальное государство никогда не должно поддерживать собственника, проигравшего (разорившегося) в результате его рыночной активности. Оно может и должно решать исключительно проблемы работников и социальной безопасности (в случае коллапса социально-значимых фирм), в том числе за счет накоплений бывших собственников, не сумевших вести эффективный бизнес и потому несущих за это экономическую ответственность. В частности, этот принцип накладывает вето на поддержку частных финансовых институтов, оказавшихся в долгах в результате финансового кризиса. Здесь социальное развитие предполагает жесткие меры: частные институты и лица, проигравшие в «казино-капитализме», не могут получать поддержки за счет налогоплательщиков. Эти лица должны разоряться и нести уголовную ответственность в случае неспособности погасить долги, а поддержание занятости, производства, трудовых доходов физических лиц может и должно осуществляться при помощи государственных финансовых институтов. Если такие шаги не предусмотрены законодательством, социально-ответственные политические силы должны инициировать соответствующее изменение законодательства.

Пятый принцип – развернутая система социальных, экологических и гуманитарных нормативов. Он хорошо известен, но я хотел бы, чтобы мы про них не забывали, ибо в условиях неолиберального реванша многие из них подвергаются ревизии или фактически нарушаются, особенно в странах типа России.

Шестой принцип – обязательное развитие социально ответственного бизнеса и социального партнёрства.

Что касается первого, то я предложил бы расширительную трактовку этого института. С моей точки зрения, социальная ответственность бизнеса состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и неукоснительно платить налоги: все это не более чем соблюдение правил рынка. В расширительной трактовке *социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а так же в самоограничении своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов.* В частности, речь может идти о (1) развитой системе социального партнерства, вплоть до участия работников в контроле и управлении; (2) прозрачности управленческой и экономической деятельности, вплоть до информации о всех видах доходов и благ, получаемых менеджментом, вплоть до членов Совета директоров; (3) ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации (от рабочего до президента) величиной в 10-15 раз; (4) сознательно реализуемой долгосрочной стратегии использования прибыли

сверх нормативной (скажем, средней по отрасли) на решение социальных, культурных, экологических и т.п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира.

Отмечу в этой связи один очень интересный момент. Реализация этого принципа очень связана с общей атмосферой в стране. В той мере, в какой героем телевизионных шоу и репортажей в глянцевого журналов остается богатый человек на "Роллс-ройсе", бизнесу очень трудно быть социально ответственным. В Скандинавии есть интересная деталь: если там появляется бизнесмен на очень дорогой машине, (скажем, "Мерседес-600") то бизнес-сообщество знает: это почти наверняка российский экс-мафиози, с которым крайне опасно иметь дело. Если же бизнесмен приезжает к Вам на велосипеде, то это скорее всего уважаемый человек, который занимается серьезным делом и которому можно доверять на слово.

Вот почему в этом случае ключевая идея состоит в том, чтобы объяснить: ездить на "Хаммере" (а это «крутой» российский стиль) – стыдно, неталантливо. Это значит, что сидящий в этом экс-броневичке человек не понимает, сколько всего интересного и важного можно было бы сделать на эти деньги, в том числе и для того, чтобы прославить свое имя, вместо того, чтобы портить этим монстром городскую среду и увеличивать и без того огромные пробки...

Седьмой принцип - приоритет национального и международного гражданского общества по отношению к профессиональным политическим структурам и капиталистическим корпорациям.

Один из важнейших аспектов этой проблемы - *максимально возможное элиминирование влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков.* Здесь ключевой проблемой является последовательно сокращение влияния на политический процесс таких феноменов как политическое и идеологическое манипулирование, шире – политическое производство. Не секрет, что в основе последних лежат так называемые политические технологии, суть которых состоит в производстве некоторого особого товара (голосов, отданных за ту или иную партию, кандидата) из некоторого сырья (электората) при помощи задействования значительных капиталов, корпоративных структур (масс-медийных, но не только) и профессионалов политтехнологов. Все это механизмы, подрывающие демократию, краеугольным камнем которой является процесс суверенного волеизъявления индивидом как полноправным политическим субъектом. Превращение его в пассивный объект манипулирования и вытеснение демократического соперничества конкуренцией политических корпоративно-капиталистических структур есть подрыв основ гражданских прав человека. Вот почему политическое обеспечение социально-ориентированного развития предполагает как минимум последовательное вытеснение политического капиталистического производства и *развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления.* Приоритет последних может и должен стать обязательной политической предпосылкой социально-ориентированного развития.

И маленькая дополнительная ремарка о своего рода «лакмусовой бумажке», по которой можно судить о роли гражданского общества: если в городке местный муниципалитет сможет запретить "British petroleum" создавать своё предприятие, экономика и политика будут социально ориентированными. Это нормально для многих европейских стран.

Восьмой принцип, о котором последнее время особенно много говорится на Западе (но, к сожалению, не в России) - жесткие экологические приоритеты. Этот принцип я специально комментировать не буду, ибо этот вопрос выходит далеко за пределы компетенции автора, однако замечу, что и здесь возможна несколько нестандартная постановка проблемы, когда главный акцент будет сделан не на защиту окружающей среды от последствий объективно идущего прогресса, а на проблему *поиска*

альтернатив существующей технологической, социально-экономической и политической (не забудем о постоянно ведущихся войнах и угрозах, которые в себе таит оружие массового поражения) *системе как принципиально а-экологичной*. В этом случае мы можем перейти (а некоторые системы уже начинают переходить) от использования экологических ограничений к использованию экологически-альтернативных моделей в сферах технологий, экономики, социальной организации, политики и т.п. Эта постановка вопроса в принципе хорошо известна, но далека от того, чтобы получить массовую поддержку.

Девятый принцип. Я его уже мельком назвал, чуть забежав вперёд. Это общественно-государственная система образования, переквалификации, здравоохранения, сфер культуры и спорта, которая обеспечивает их общедоступность. Об образовании я хотел бы сказать особо. Во-первых, с социальной точки зрения образование – это не особый сегмент рынка, создающий товар особого рода, а общественный инвариант, общественное благо (наподобие воздуха или солнечной энергии), обеспечивающий воспроизводство социума. И как таковое оно должно обеспечивать формирование нравственно-ответственной личности, без чего социум не может успешно развиваться. И в этом смысле общедоступное образование (культура и т.д.) есть социально-нравственный императив. Но образование, во-вторых, это еще и та сфера, которая в условиях экономики, основанной на знаниях, не расходует общественные средства, а создает главный ресурс постиндустриального развития – креативные качества работника. И в этом смысле общественно-государственное финансирование бесплатного массового качественного общедоступного образования есть экономически эффективная долгосрочная социальная инвестиция.

Кстати, институтом, обеспечивающим общедоступное образование необязательно должен быть государственный университет, это может быть общественная организация, кооператив или частная структура, работающая в рамках социально ориентированной программы, в рамках социальных нормативов и, может быть, даже на государственные деньги. Негосударственный вуз может готовить людей для государственной работы, на государственные деньги, и, может быть, более эффективно, чем государственный. Конкуренция сохраняется, но модель общедоступного бесплатного образования работает.

И, наконец, **десятый** принцип – приоритет подлинной культуры – культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности, культуры как со-творчества, а не сферы, выполняющей роль своеобразного духовного наркотика, позволяющего отключиться от пресса господствующей системы отчуждения, глядя в свёрхтехнологичный телевизор, где показываются являющийся высочайшим достижением компьютерных технологий набор вне-культурных штампов и «экшэнов» или позволяющей выключиться из жизни на хай-тек дискотеке, где некий мега-звук забивает не только сознание, но и подсознание...

Реализация этого императива наиболее важна – ибо здесь во многом формируется та Личность, которая способна стать активным субъектом социально-ориентированного развития – и наиболее сложна, ибо традиционные механизмы рынка, демократии и государственных социальных ограничений здесь малоэффективны. Альтернативные же механизмы развития личностно-ориентированной культурной политики и – я предлагаю очень жесткое утверждение – добровольной социальной и гуманитарной *ответственности художника* прорисовываются пока довольно слабо. Впрочем отдельные примеры таких программ и некая теория здесь все же имеются, но это тема совсем другого разговора.

* * *

В заключение я хочу еще раз вернуться к дилемме опережающего, инновационного развития и социальной справедливости.

Во-первых, я выше предложил новую формулировку старой дилеммы рыночной эффективности и социальной справедливости. Задача экономики сегодня – это не максимизация прибыли. Последнее – одно из возможных и не всегда эффективных средств обеспечения современного типа развития. Эффективность в узком смысле слова, т.е. понимаемая как рыночная эффективность, сейчас уже не так важна. Если мы достигаем высокой прибыли за счёт грязного производства на основе ручного труда, то для страны такая эффективность вредна. Это вредный, хотя и эффективный с рыночной точки зрения путь развития. И это не социально, а экономически вредный путь.

Если же мы ставим вопрос о соотношении *инновационного развития, обеспечивающего максимальное развитие человеческих качеств*, как одного полюса противоречия, и *социальной справедливости, понимаемой не как уравниловка, а как гарантию удовлетворения витальных жизненных потребностей каждому при равном стартовом уровне и распределение благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от его деятельности*, то мы получаем существенно иную картину.

При такой постановке вопроса оказывается, что такая социальная справедливость есть едва ли не наиболее эффективный путь формирования высококачественной, креативной рабочей силы, которая единственно способна обеспечивать прорывное технологическое развитие, создавать новые экономические, социальные и политические институты, преодолевающие провалы рынка и государства, формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности, а не только функционального профессионализма.

То, что это прогрессивно с социально-гуманитарной точки зрения, очевидно. Существенно однако и то, что даже *чисто рыночный эффект в этом случае достигается и высокий*.

Во-первых, дорогая высококвалифицированная и, главное, *креативная* рабочая сила притягательна для инвестиций. Традиционно нам говорят: будут высокие социальные стандарты, рабочая сила будет дорогой, капитал от вас уйдёт. В инновационной экономике капитал, напротив, стремится туда, где есть креативный работник. Для того, чтобы создавать и внедрять, скажем, нанотехнологии нужен человек, который долго живёт, рано выходит на пенсию, имеет 25-летнее образование, который постоянно повышает квалификацию и социально стабилен. Иной работник на это не способен. А для того, чтобы работник был таким и это был массовый слой работников, необходимо общедоступное высшее образование. Для этого надо, чтобы люди жили 80-85 лет, а это требует общедоступной системы здравоохранения и так далее. Иными словами. Социально-справедливое развитие даже с прагматической точки зрения выгодно в инновационной экономике. Неслучайно поэтому Финляндия – страна с очень развитой социальной системой - находится на первом месте в мире по инновационному развитию.

Во-вторых, важнейший компонент долгосрочного инновационного развития – общественно-государственные программы.

В-третьих, небольшая ремарка относительно возможности социально-ориентированного развития для богатых и бедных стран. Это неправда, что такая ориентация возможна только в богатой стране. Доля (я подчеркиваю – доля) расходов на социальные нужды в сравнении с долей расходов на содержание аппарата власти и насилия, мера социальной дифференциации, наличие или отсутствие программируемого развития – все это дилеммы, во многом *инвариантные по отношению к уровню развития страны*, хотя, конечно же, *стратегия социально-ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации*.

* * *

PS. В качестве едва ли не самого мощного возражения против выбора стратегии социально-ориентированного развития сегодня выдвигается тезис о том, что оно

проигрышно в условиях глобализации, а глобализация – это объективный процесс и его не остановишь.

Спору нет. Технологическая и культурная интеграция, рост взаимозависимости экономик – это объективный процесс. Но кто доказал, что единственно возможной социально-экономической и политической формой этого процесса является модель т.н. Вашингтонского консенсуса? Почему для интеграции не могут быть приняты другие «правила игры»?

Мне кажется, *вопрос о Социально-экологическом консенсусе как альтернативе Вашингтонскому консенсусу давно назрел.*

Сегодня, если вы приходите в мировую экономику и политику, то вам говорят: если вы все не приватизировали, если к вам нельзя свободно инвестировать, если у вас есть протекционистские барьеры и национальные программы развития, если у вас в стране нет возможности купить любой товар – университет, озеро, памятник культуры, - то вы не цивилизованы, с вами нельзя иметь дело.

Новый консенсус – это новые правила игры и ограничения для мирового партнерства: если у вас в стране нет прогрессивного подоходного налога, если гражданское общество не имеет приоритетных прав по отношению к ТНК, если у вас нет развитого социального партнерства, а бизнес не является по преимуществу социально ответственным, если минимальная зарплата и социально-гарантированный минимум у Вас ниже прожиточного, если у Вас образование и здравоохранение не общедоступны, а недра и природные богатства не принадлежат гражданам, если у Вас нет жестких экологических, гуманитарных и социальных нормативов, то ваша страна (корпорация) должна быть исключена из круга глобальных игроков и по отношению к ней следует применить экономическую и политическую блокаду или хотя бы идейно-культурный прессинг.

Если это будет чётко прописано хотя бы на уровне императива, хотя бы на уровне того, как мы говорили сто лет назад про императив восьмичасового рабочего дня и демократии, то это будет большой шаг вперёд.